

# ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

## ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11-го Сентября № 26 1898 года.

### ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Руководственныя указанія дѣятелямъ церковно-приходскихъ школъ.

При открытіи перваго чрезвычайнаго собранія Училищнаго Совѣта при св. Синодѣ 7 сего августа Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой сказалъ приблизительно слѣдующее <sup>1)</sup>.

„Настоящій день открытія перваго чрезвычайнаго собранія по вопросамъ церковно-приходской школы есть день достопамятный. Вопросъ о церковной школѣ едва ли не самый важный. Отъ того, какъ поставлена будетъ церковная школа, зависитъ подъемъ духовный и для народа и для духовенства; это—новая эра въ духовномъ просвѣщеніи Россіи: Въ русской церкви и духовенствѣ, всѣ мы это знаемъ,—соль земли; а при этомъ словѣ вспоминается и другое евангельское слово: „аще соль обуяетъ, чѣмъ осолится?“ Изъ исторіи мы знаемъ, какое великое значеніе имѣло православное духовенство для народа своею службою въ церкви Божіей, совершеніемъ таинствъ, жизнью среди народа. Въ послѣднее время возникли новыя потребности, которыя надо удовлетворить. И вотъ въ нихъ то заключается залогъ подъема и для духовенства и для народа. Это—

<sup>1)</sup> Рѣчь возстановлена въ вольномъ пересказѣ.

учить народъ въ школахъ и проповѣдывать въ храмахъ. Къ счастью, и замѣчается уже этотъ подъемъ, котораго не видятъ развѣ нежелающіе видѣть. Но въ будущемъ предстоитъ еще большая работа. Надо идти впередъ, и мы все надѣемся, что молодое поколѣніе духовенства напряжетъ свои усилія въ дѣлѣ учительства народнаго, не порветъ связи съ народомъ. Настоящее собраніе имѣетъ цѣлью, послѣ уже сдѣланнаго въ области церковной школы, пристѣсть и посмотреть, что же сдѣлано для нея въ нравственномъ, воспитательномъ и техническомъ отношеніяхъ.

При этомъ встаетъ коренной вопросъ: въ чемъ цѣль и назначеніе церковной школы? Въ настоящее время отовсюду слышатся рѣчи о всеобщемъ обученіи народа. Но что такое обученіе? Уяснено ли это слово? Не утратило ли оно надлежащаго смысла, не вытерлось ли отъ частаго употребленія? Подъ обученіемъ обыкновенно разумѣютъ преподаваніе всевозможныхъ наукъ, выполненіе программъ, безотносительно къ запросамъ и потребностямъ народа. Одно земство недавно договорилось до того, что въ начальной школѣ слѣдуетъ-де обучать дѣтей и минералогіи, и фізіологіи, и ботаникѣ и, я не знаю,—какимъ еще наукамъ. Между тѣмъ, проникая въ глубь понятія, обученіе и воспитаніе—одно и то же; въ церковно-приходской школѣ существенно необходимо, чтобы обученіе сводилось къ воспитанію и наоборотъ; надо всеми способами развивать въ душѣ ребенка зерно умственнаго и нравственнаго воспитанія. Какъ? Конечно, не однимъ лишь выполненіемъ программъ. Возьмемъ для примѣра законъ Божій: его цѣль—духовно-нравственное воспитаніе человѣка; но если свести его къ механическому заучиванію разсказовъ священной исторіи, фактовъ изъ жизни Спасителя, выраженной изъ Свящ. Писанія съ оцѣнкою баллами, это будетъ обученіе

закону Божию, которое никакой пользы не приносит. Точно также если по русскому языку все дѣло свести къ одному заучиванію грамматическихъ правилъ и формъ, выйдетъ мертвечина, и дитя не научится писать. Такъ и со всякимъ другимъ предметомъ преподаванія. Обученіе должно сводиться къ возбужденію умственныхъ интересовъ, чувства правды, привитію привычекъ нравственныхъ, для дома и жизни необходимыхъ. И вотъ для такого то обученія великое значеніе имѣетъ церковная школа съ добрымъ учителемъ. Толкуютъ о всеобщемъ обученіи, но сколько бы ни заводили школъ, какъ бы ни расширяли курсы и программы, *безъ хорошаго учителя* ничего нельзя достигнуть. Въ томъ, чтобы дать школѣ учителя, чтобы сохранить въ немъ душу живу, — корень дѣла. Къ этому должны быть направлены наши усилія. У насъ много еще недоброжелателей, которые въ тоже время и враги Церкви, не понимающіе, что такое церковь и школа, но они не страшны намъ, если мы станемъ на нравственную почву. Мы должны больше бояться враговъ внутреннихъ, своихъ, домашнихъ, а они суть: *равнодушіе къ дѣлу*, мертвящій *формализмъ* и *ложь*, выражающаяся въ сокрытіи зла, недостатковъ, въ увѣреніи, что все и всегда обстоитъ благополучно, когда на самомъ дѣлѣ это не всегда такъ.

Вы получили списокъ вопросовъ, которые предстоитъ вамъ рѣшить на этомъ собраніи. Но главный предметъ вашихъ сужденій это — учитель. Боже избави его забыть! Учитель — это первая снасть въ народномъ обученіи, это — подвижникъ въ нашей глуши; по чьему-то мѣткому выраженію, это — свѣча, которая горитъ, отъ нея загораются другія свѣчи, пока она сама не сгораетъ до тла. Что такое хорошій учитель въ деревенской глуши, это всѣ мы знаемъ: онъ служитъ притягательной силой, отъ школы

отбоя нѣтъ, жизнь просыпается въ деревнѣ подѣ его вліяніемъ. У него нѣтъ часу, полу—часа свободныхъ Урокъ его не кончился, когда пробилъ звонокъ, онъ продолжается и внѣ класса, и вечеромъ до поздней ночи. Въ такой школѣ для ребенка—все; но что для учителя? Бѣдность и лишенія. До чего бѣдны еще наши школы, это видно изъ того, что у насъ въ бюджетѣ ничего не положено на ихъ освѣщеніе. Въ нѣкоторыхъ школахъ зимой совсѣмъ нѣтъ тепла, такъ что приходится начинать ученье, когда дѣти собственной теплотой нѣсколько обогрѣютъ классъ. Не говорю о помѣщеніяхъ для учителей и особенно учительницъ, онѣ—ужасны. И вотъ позаботьтесь, отцы, объ учителяхъ, говорите, пишите о его нуждахъ. *Пусть пишутъ сюда къ намъ!* одушевленно говорилъ Константинъ Петровичъ.

„На второе мѣсто должно поставить вопросъ объ отношеніи епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ къ наблюдателямъ и наблюдателей къ учителямъ. Сохрани Богъ завести въ этихъ отношеніяхъ формализмъ, отписку и повторить печальный опытъ иныхъ консисторій.

Наконецъ, вопросъ о самой школѣ, о томъ, чтобы завести вездѣ сносныя помѣщенія, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ“...

Глубокимъ поклономъ все собраніе отвѣчало на простую, мѣткую, оживленную рѣчь г. Оберъ-Прокурора К. П. Побѣдоносцева.

Священникъ Ф. Орнатскій.

## ПАМЯТИ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ <sup>1)</sup>.

(По поводу открытія въ Москвѣ памятника).

Повидимому, предметъ нашей бесѣды имѣетъ мало отношенія къ нашему настоящему собранію.

На самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ сейчасъ, это не такъ.

<sup>1)</sup> Рѣчь при закрытіи курсовъ второклассныхъ церковноприходскихъ школъ въ Спб. 5 августа 1898 года.

И въ тотъ моментъ, когда, съ паденіемъ завѣсы, образъ императора Александра II явится воочию всей Россіи въ ореолѣ неувядающей славы, каждый дѣятель церковной школы осѣнитъ себя крестнымъ знаменемъ въ память о въ Бозѣ почившемъ царѣ.

Въ Москвѣ, — „сердцѣ“ Россіи, воздвигнуть памятникъ одному изъ благороднѣйшихъ и величайшихъ русскихъ государей Александру Николаевичу. Сколько думъ и воспоминаній возникаетъ въ душѣ при взглядѣ на этотъ памятникъ! Почему именно—въ Москвѣ? Почему ему первому изъ русскихъ государей съ тѣхъ поръ, какъ центръ правительственной власти перенесенъ въ Петербургъ, памятникъ воздвигнуть въ Москвѣ? Въ Москвѣ онъ родился, но это—не все... Въ этомъ фактѣ скрывается гораздо больше значенія.

Незабвеннаго, въ Бозѣ почивающаго государя Александра Николаевича гласъ народный нарекъ „Освободителемъ“. Гласъ народа—гласъ Божій! На какомъ основаніи? Потому ли только, что онъ освободилъ десятки милліоновъ отъ крѣпостнаго состоянія, потому ли только, что онъ даровалъ свободу также милліонамъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ нашихъ, томившихся подъ игомъ мусульманъ? Безъ сомнѣнія—такъ, но и эти всемірно-историческіе факты не вполне объясняютъ намъ знаменательное титло „Царя-Освободителя“.

Было время, теперь уже далекое отъ насъ время, когда русскому народу приходилось отстаивать, подобно новорожденному, самое существованіе. Страшная туча монгольскаго нашествія, повергшаго въ ужасъ весь христіанскій міръ, обрушилась на Россію. Во время погрома погибла половина народонаселенія. Остальная половина, раздробленная, разоренная, очутилась въ страшной неволѣ. А между



тѣмъ Азія продолжала высылать одну за другою страшныя орды дикихъ варваровъ. Въ виду опасности, грозившей самому существованію русскаго народа, потребовалось необычайное напряженіе всѣхъ силъ народныхъ. Русскіе объединились, сплотились во едино вокругъ Московскаго князя, и съ неимовѣрными усиліями отстояли свое бытіе. Этотъ результатъ оказался возможнымъ лишь при созданіи единой, грозной, сильной власти. Единодержавная и самодержавная власть Московскихъ царей была естественнымъ результатомъ той страшной борьбы за жизнь, которую вынесъ русскій народъ въ борьбѣ съ варварами.

Русскій православный народъ чтитъ власть, какъ Божіе учрежденіе. Но среди ужасныхъ обстоятельствъ, при которыхъ возникло и строилось Московское государство, не приходилось справляться съ душой, съ думами и убѣжденіями русскаго народа. Въ отчаянной борьбѣ за жизнь только сила рѣшаетъ дѣло. И вотъ власть въ Московскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, грозила принять видъ восточнаго деспотизма. Исторія мученика-святителя Филиппа, возвысившаго свой мужественный голосъ противъ самовласти, ставшаго въ противорѣчіе съ божественными и человѣческими законами, достаточно объясняетъ намъ дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, для нравственнаго достоинства самой власти, для того, чтобы она не обратилась въ господство грубой вещественной силы, необходимо, чтобы она покоилась на твердой нравственной основѣ, не на слѣпомъ и рабскомъ подчиненіи, но на свободной преданности народа. Въ смутную эпоху государство, воздвигнутое съ тяжкими усиліями, съ огромными жертвами, но—опиравшееся на силу, на слѣбое, рабское подчиненіе, разрушилось... Но среди бурь и страшныхъ бѣдствій смутной эпохи проявилась всенародная мысль и про-

зрѣла въ смыслъ предшествующей эпохи. Свободнымъ, всенароднымъ избраніемъ на престолъ благословеннаго дома Романовыхъ русскій народъ завершилъ дѣло грозныхъ и могучихъ Іоанновъ. Самодержавная власть освѣтилась свободнымъ всенароднымъ согласіемъ, и русскій царь, не смотря на то, что во всемъ государствѣ видны были еще страшные слѣды пронесшейся бури, никогда еще не былъ прежде такъ силенъ, какъ послѣ смутной эпохи. Власть, которую съ такимъ трудомъ, съ самыми крупными мѣрами удерживали въ своихъ рукахъ могучіе Іоанны, спокойно и мирно, во всей полнотѣ, почила на главѣ кроткихъ Михаила и Алексѣя. Самодержавіе стало народнымъ, національнымъ достояніемъ св. Руси...

Смута, наступившая при кроткомъ сынѣ Грознаго царя и разразившаяся страшной грозой при Годуновѣ, смута, начавшаяся кровію невиннаго отрока-мученика, стоитъ въ замѣчательномъ соотвѣтствіи со смутой, пережитой нами и завершившейся страшнымъ злодѣяніемъ 1 марта, и историческая справка объ ней поможетъ намъ понять и смыслъ великой эпохи царствованія Александра II.

Справившись съ азіатскими варварами, мы повернулись къ Западу. Это было необходимо. Отстоявъ свое существованіе, мы сразу почувствовали нужду во многомъ—въ науку, во внѣшнемъ благоустройствѣ,—во многомъ другомъ, въ чемъ такъ сильно опередили насъ европейскіе народы, спокойно развивавшіеся за спиною великаго народа, принявшаго на себя неблагоприятную задачу борьбы съ азіатскимъ варварствомъ. Новая эпоха началась со временъ Петра. Это было новое нашествіе не азіатской грубой силы, но—европейской культуры... Настало новое иго... Если крайнее внутреннее разстройство древней, такъ-называемой, удѣльно-вѣчевой Руси, ея крайняя раздробленность, въ свя-

зи съ распущенностью и своеволиемъ—вызвало такое страшное потрясеніе, какъ монгольскій погромъ,—такъ и крайняя отсталость Московской Руси, костность, грозившая полнымъ одичаніемъ и упадкомъ духовныхъ силъ народа сдѣлали необходимымъ могучее воздѣйствіе Петра... Воспользуемся для характеристики новой „петербургской“ эпохи русской исторіи словами знаменитаго русскаго патріота: „Петръ имѣлъ въ жизни одну единственную цѣль—благо Россіи, но онъ понималъ его *по своему*. Это былъ самый смѣлый, самый отчаянный идеалистъ, какаго только видалъ міръ, идеалистъ съ непреклонною, необузданною волею, да еще надѣленный при томъ реальною властью въ объемъ, соответствовавшемъ его исполинскому идеализму. Такого властелина не знавала вселенная ни прежде, ни послѣ. Ради успѣха своей „исторической миссіи“, ради осуществленія своихъ идеаловъ, онъ долженъ былъ сломить всякое противодѣйствіе земской жизни, всякое проявленіе какой-либо самобытности, своеобразности, все обратить въ покорный, бесотвѣтный матеріалъ, пригодный для лѣпки излюбленной имъ формы европейскаго государства. Но государство, какъ хорошо понималъ Петръ, образуется не одними законами и учрежденіями, но и нравами: онъ не остановился и предъ этой задачей и рѣшился силою внѣшней, принудительной власти пересоздать и нравы. Онъ проникъ, съ своею полиціею, во всѣ изгибы общественнаго бытія, гдѣ только укрывалась самостоятельность дѣла, ничего не оставилъ въ покоѣ, все регламентировалъ, все взялъ въ казну, все подчинилъ командѣ—и нравы, и обычаи, и совѣсть, и прическу, и церковь, и одежду, и грамоту, и языкъ,—законодатель, портной, академикъ, кузнецъ, полководецъ, учитель „комплементовъ“ и танцевъ, заводчикъ флота, ассамблей, покоритель шведовъ, завоеватель, гра-



достроитель и устроитель шутовскихъ маскарадовъ... Общество явилось взнузданнымъ, сзатянутымъ въ мундиръ, причесаннымъ, выбритымъ, одѣтымъ по указу, расписаннымъ по рангамъ, дѣйствующимъ лишь по жеманѣ, — руки по швамъ. Для того, чтобы этого автомата приводить въ дѣйствіе, потребовалась цѣлая армія чиновниковъ, — армія *опекуновъ*: вездѣ, повсюду, кругомъ, сверху до низу, только начальства, да власти, — тучи властей и начальствъ. Никогда, ни одно правительство въ мірѣ, какъ русское со времени Петра, не взваливало на себя такой огромной обузы, такой громадной опеки, не расширяло такъ безпредѣльно круга своей дѣятельности, да и не было такъ неугомонно дѣятельно: иначе и быть не могло, когда приходилось исполнять должность *самой жизни*, и постоянно, на каждомъ шагу, чинить, поправлять и переиначивать плохую дѣйствующій механизмъ...“<sup>1)</sup>).

Брымская война показала, что далѣе идти по указанному пути было невозможно...

Дѣло въ томъ, что культуру нельзя привить народу помимо самого народа. Культура является вездѣ плодомъ самостоятельнаго творчества духовныхъ силъ народа. Необходимо было создать условія, благоприятствующія для развитія русской культуры, для духовнаго роста и преуспѣванія русскаго народа — и для этого полезно было сближеніе съ образованными народами Запада, нельзя было, никакими человѣческими усиліями, создать самую культуру при помощи хотя бы самой сильной власти... Необходимо было ослабить всеобнимающую правительственную опеку, и дать свободу *духовной* жизни русскаго человѣка.

Со вступленіемъ на престолъ незабвеннаго Государя Императора Александра Николаевича началась иная эпоха въ

<sup>1)</sup> Аксаковъ. У, 50.

жизни русскаго народа. Весеннимъ тепломъ и просторомъ жизни сказалося вступленіе на престолъ этого государя. Но, какъ и въ смутную эпоху, наружу вырвалось прежде всего то, что было печальнымъ слѣдствіемъ такъ называемаго Петербургскаго періода русской исторіи. Самостоятельная духовная культура русскаго народа, раскрытіе его исконныхъ началъ—еще впереди, наружу же прежде всего—„словно не истовствомъ вешнихъ водъ прорвало плотину“—вырвало отрицаніе этихъ исконныхъ основныхъ началъ русской народности. Плевелы растутъ быстрѣе, чѣмъ благородное растеніе... Началась смута, окончившаяся ужаснымъ днемъ 1 марта... Какъ и во время древней смуты, прелилась невинная кровь Царя-мученика...

Будемъ уповать, что мутныя вешнія воды протекли безвозвратно, унеся съ собою накопившійся соръ, и настало время спокойнаго труда въ истинно-національномъ духѣ. Церковная школа явится краеугольнымъ камнемъ грядущей великой культуры русскаго народа, первымъ шагомъ на пути его великой исторической миссіи...

Царь-Освободитель!.. Не милліоны только крѣпостныхъ рабовъ, не милліоны поработенныхъ мусульманами—освободилъ незабвенный Государь, нѣтъ! Онъ далъ свободу русскому народному духу, онъ положилъ конецъ цѣлому періоду русской исторіи и началъ своимъ царствованіемъ новый періодъ—періодъ національнаго самосознанія, періодъ духовнаго самобытнаго роста и развитія основныхъ началъ русской народности,—и это сказалося въ царствованіе его сына—столь же незабвеннаго Царя-Миротворца.

Самъ же онъ, „починальникъ“ новой эпохи, палъ жертвою тяжкихъ заблужденій, нажитыхъ въ предшествующій періодъ.

Грустно вспоминать эту послѣднюю смуту русской земли,

но посреди этой смуты яркой звѣздой блеснуть образъ незабвеннаго Государя, самый свѣтлый образъ изъ всего знаменитаго двадцати-пятилѣтія.

Съ радостными надеждами привѣтствовалось его много-знаменательное рожденіе

въ великомъ градѣ славы,  
На высотахъ священнаго Кремля,

и по истинѣ пророческимъ завѣтомъ поэта:

Да встрѣтитъ онъ обильной честью вѣкъ,

Да славнаго участникъ славный будетъ,

Да на чредѣ высокой не забудетъ

Святѣйшаго изъ званій—человѣка!..

И онъ исполнилъ завѣтъ, остался ему вѣренъ до послѣдней минуты издыханія. Именно—*человѣчность* является характеристическою чертою его подвига. Никакія обольщенія виѣшней власти не смогли заглушить въ немъ великій простаго добраго сердца...

Самодержецъ, онъ былъ смиренъ духомъ, онъ не возносилъ ни разу, душа его не знала надменности и гордыни. Онъ не искалъ суетной славы, но слава искала его,—и исторія съ изумленіемъ подводитъ итоги обилію великихъ дѣлъ, совершившихся въ періодъ отъ 1855 —1881 г. Но Богъ вознесъ смирявшагося выше всякой высоты земной: Царь величайшей въ свѣтѣ державы, по мановенію котораго готовъ былъ двинуться въ бой, на защиту его престола и власти, цѣлый народъ—океанъ, сподобился кончины истинно-мученической. Его образъ предстоить теперь передъ нами въ лучезарномъ сіяніи „Страстотербца“<sup>1)</sup>..

Императоръ Александръ II великъ не только, какъ царь многомилліоннаго народа, но и какъ лучшій человѣкъ своего времени, какъ воплощенная доброта, любовь и милосердіе. Его человѣколюбивая, христіански чистая душа, какъ искра Божія, свѣтилась во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ, Вся

<sup>1)</sup> Аксаковъ V.21—22.

жизнь его была однимъ непрерывнымъ подвигомъ величественной, прямодушнoй любви, на благо своего народа.

„Въ великихъ дѣлахъ его царствованія мы видимъ удивительныя для христіанскаго сердца черты. Мы не можемъ подробно перечислить здѣсь эти дѣла, но мы можемъ съ христіанскою точкою зрѣнія указать на тотъ духъ, который отражается въ главнѣйшихъ изъ нихъ, какъ любви Христовой и отеческаго попеченія о народѣ. Къ благочестивѣйшему Государю нашему можно примѣнить (въ извѣстномъ, конечно, смыслѣ) то изрѣченіе древняго пророка о помазанникѣ Божіемъ, которое въ высочайшей степени относится къ Самому Христу Спасителю. *Духъ Господень на Мягъ. Онъ помазалъ меня возвестить благовѣстие нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу* (Исаія LXI, 1—2; Лук. IV, 18).

„Этотъ духъ прежде всего сказался въ томъ великомъ дѣлѣ, которое—безъ сомнѣнія—составляетъ высшую славу царствованія, и которое никогда не изгладится ни на скрижаляхъ исторіи земной, ни въ той *книгѣ жизни*, которая пойдетъ на судъ Божій,—въ дарованіи личной свободы съ матеріальнымъ обезпеченіемъ милліонамъ русскихъ людей, не имѣвшихъ ни свободы, ни правъ собственности. Этотъ духъ сказался затѣмъ въ устройствѣ для народа новыхъ судовъ по такому образцу, чтобы въ нихъ, по заповѣди Божіей, сочетавалась правда и милость, чтобы несчастнымъ обвиняемымъ предоставлены были всѣ средства защиты, чтобы обсужденіе дѣйствій человѣческихъ совершалось не по строгой буквѣ закона, а по христіанской совѣсти и внутреннему убѣжденію, чтобы скорѣе десять осужденныхъ могли быть помилованы, чѣмъ одинъ невинный осужденъ.



Этотъ духъ сказывается въ непрекращавшихся заботахъ о просвѣщеніи народномъ: ибо *благопріятное лѣто Господне* состоитъ не только *въ освобожденіи плѣнныхъ*, но и *въ прозрѣніи слѣпыхъ*. Этотъ духъ сказывается въ различныхъ мѣрахъ, имѣющихъ цѣлю сближеніе различныхъ сословіи и равномерное распредѣленіе между ними государственныхъ правъ и обязанностей: ибо высшая цѣль царства земнаго состоитъ въ утвержденіи между людьми началъ братства и любви, составляющихъ основанія царства Божія. Этотъ духъ сказывается въ мѣрахъ, направленныхъ къ возбужденію и развитію народныхъ силъ, народной самодѣятельности, въ постепенномъ призваніи народа къ участию въ общественныхъ дѣлахъ; ибо высшее дѣйствіе христіанской любви состоитъ въ нравственномъ возвышеніи человѣческой личности, въ распространеніи между людьми такого общественнаго духа и настроенія, при которомъ бы каждый посильно заботился о всѣхъ и всѣ о каждомъ. Говорить ли о его необыкновенномъ миролюбіи? Напомнимъ лишь одинъ знаменательный фактъ.

Быль великолѣпный солнечный день 12 апрѣля 1877 года. Въ исходѣ девятаго часа войска были уже подъ ружьемъ, и стояли длинными шеренгами и большими группами, съ неподвижностію и безмолвіемъ, пока не пріѣхалъ Императоръ. Было что-то глубоко затрогивающее и торжественное въ этой продолжительной тишинѣ и неподвижности. Собравшаяся посмотреть на войска толпа тоже пріумолкла и смотрѣла съ изумленіемъ и трепетомъ на эти молчаливыя и неподвижныя шеренги, возвышавшіяся одна надъ другою. Молчаніе не прервалось и при появленіи Императора. Толпа разступилась и очистила дорогу, снимая шапки по его пути, и только, когда онъ сѣлъ на лошадь и рядомъ съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Николаемъ

Николаевичемъ, въ сопровожденіи большой свиты, сталъ медленно объѣзжать ряды войскъ, тишина нарушилась звуками музыки и привѣтственными вликами. Затѣмъ, когда тишина снова возстановилась, музыка умолкла, — войска обнажили головы, и толпа послѣдовала ихъ примѣру. Одинъ голосъ только былъ слышенъ, голосъ епископа кишиневскаго, служившаго литургію. Наконецъ, окончилась и литургія; тогда тревожный шопотъ пробѣжалъ по толпѣ: если манифестъ будетъ изданъ, если война будетъ объявлена, — пришла минута, когда этому надлежитъ исполниться. И дѣйствительно, долгожданная, давно желанная минута наступила. Мертвая тишина воцарилась на секунду. Затѣмъ, звучный, громкій голосъ прервалъ всеобщее молчаніе. То не былъ голосъ Императора, а голосъ святителя, читавшаго манифестъ; и онъ не прочелъ его еще и до половины, какъ послышались рыданія и, когда нѣкоторые обернулись, чтобы узнать, откуда они слышатся, то увидѣли, что плачетъ Императоръ Александръ и плачетъ, какъ дитя...

Не будемъ омрачать свѣтлости воспоминанія повѣстью о тяжелыхъ испытаніяхъ великаго царствованія... Вспомнимъ лишь объ одномъ: въ минуту тягчайшаго изъ испытаній, послѣдняго, смертнаго, Государь-христіанинъ остался вѣренъ себѣ.

„Его, перваго человѣка русской земли, уже полумертваго, безъ шинели, съ обнаженной, склоняющейся отъ слабости головой—везутъ Освободителя миллионовъ людей своего и чужихъ народовъ, давашаго всей Россіи *новое бытіе*, даровавшее ей такой просторъ жизни, котораго она еще не знавала,—везутъ Страдальца-Царя въ его царскій дворецъ..“

Безъ ропота, безъ жалобы встрѣчаетъ онъ смерть... По-

слѣднее его дѣйствіе въ жизни: взглянуть „на *своихъ* раненыхъ!“<sup>1)</sup>.

Надѣмса, послѣ всего сказаннаго, намъ становится понятнымъ этотъ дивный памятникъ въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи. Онъ говоритъ намъ о началѣ новаго, самобытнаго развитія русскаго народа на основаніи *своихъ*, присущихъ русскому народному духу, исконныхъ началъ. Въ новизнахъ великаго царствованія чуялась святая, никогда не старѣющая старина, вѣялъ животворный духъ Христовъ!

Протоіерей М. Хитровъ. (Тамъ же).

## ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

— *Предостереженіе пастырямъ.* Вѣдкое и святое пастырское служеніе требуетъ отъ пастыря Церкви особой осмотрительности— и особенно въ отношеніи къ иновѣрцамъ. Въ противномъ случаѣ, и руководимый самыми возвышенными стремленіями, онъ легко можетъ быть введенъ въ обманъ касательно даже и существеннаго въ своемъ служеніи. Подобный печальный случай недавно имѣлъ мѣсто въ предѣлахъ Могилевской епархіи. Случай этотъ— слѣдующій: Въ іюлѣ мѣсяцѣ минувшаго года, вечеромъ, къ священнику Х. церкви, Б. уѣзда, явилась прилично одѣтая дѣвица и отрекомендовала себя еврейкою, окончившею курсъ въ В. гимназіи и желающею принять отъ причта этой церкви таинство крещенія. Изъ разговора выяснилось, что она прекрасно знаетъ православныя молитвы, символъ вѣры, заповѣди, священную исторію и даже самый чинъ крещенія „како пріимати приходящихъ отъ іудейскія вѣры ко св. нашей Церкви“. При этомъ она заявила, что въ душѣ она уже давно христіанка, давно стремится принять крещеніе, но этому препятствуетъ ей отецъ, купецъ г. Ч. и дѣдушка раввинъ. Два раза представлялся ей случай креститься. Одинъ разъ, когда она для этой цѣли уже была въ Б. монастырѣ, оттуда ее обманомъ выкрали, а другой разъ, когда она опять

<sup>1)</sup> Аксаковъ V, 616.

отправилась въ тотъ же монастырь, но ее перехватили на дорогѣ. Путемъ притворства теперь она ослабила бдительность надзора за собою родныхъ. Отецъ даже одну ее теперь по дѣлу послалъ въ г. Р. На пути туда она и рѣшила воспользоваться случаемъ исполнить свою давнишнюю мечту—креститься. Но, въ виду условій своей жизни, она не могла взять у отца нужныхъ документовъ, тѣмъ болѣе не могла хлопотать о выдачѣ ей надлежащаго разрѣшенія. За то на другой же день, когда она будетъ христіанкою, властью уже полиціи вытребуется себѣ отъ отца документы, удостовѣряющіе ея личность. „Участь моя“, заключила она со слезами, „рѣшается въ нѣсколько часовъ, и если вы не совершите надо мною таинства, то будете отвѣчать предъ Богомъ за погибель моей души“. Священникъ довѣрился такой рѣчи. Отобравъ показаніе и предварительную подписку съ условіемъ, что обѣщанные документы будутъ доставлены причту чрезъ одинъ день, утромъ на слѣдующій день совершилъ надъ просительницею таинство св. крещенія. Между тѣмъ въ самый же день совершенія крещенія до причта дошелъ слухъ, что онъ введенъ въ обманъ, что крещенная имъ еврейка не имѣетъ ничего общаго ни съ тѣмъ именемъ, какимъ она назвалась, ни съ названнымъ ею отцомъ, что она вовсе не дочь купца, а мѣщанка изъ другого города. Этотъ слухъ чрезъ наведенныя, по просьбѣ причта, справки подтвердила и полиція, такъ что актъ крещенія въ метрическихъ книгахъ возстановленъ былъ уже по послѣднимъ даннымъ. Что имѣла въ виду крестившаяся, выдавая себя подъ чужимъ именемъ, осталось невыясненнымъ, такъ какъ и она сама невзвѣстно куда выбыла. Но это еще не все, дальнѣйшее еще хуже и печальнѣе. По официальнымъ даннымъ оказывается, что крестившаяся подъ чужимъ именемъ въ іюль мѣсяцъ минушаго 1897 г.—съ своимъ собственнымъ именемъ и съ нареченіемъ одного и того же имени христіанскаго была уже крещена въ августъ мѣсяцъ 1896 г. въ г. Н. Черниговской епархіи.

Случай весьма поучительный и заслуживаетъ вниманія пастырей (Могил. Еп. Вѣд.).

— Одинъ изъ священниковъ Минской епархіи возбудилъ вопросъ: можетъ ли онъ оставить прихожанъ безъ церковнаго Богослуженія въ воскресенье первой недѣли Великаго поста въ виду



того, что онъ вызывается въ судъ на второй недѣлѣ и по дальнему мѣсту жительства своего долженъ выѣхать утромъ въ воскресенье. Вслѣдствіе сего и для руководства въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, Епархіальное Начальство даетъ знать духовенству епархіи, что опредѣленіемъ Св. Синода отъ 31 января—11 марта 1879 года за № 312 поставлено въ извѣстность по духовному вѣдомству, для свѣдѣнія и въ подлежащихъ случаяхъ исполненія, что рѣшеніемъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената отъ 6 марта 1878 года за № 8746 постановлено: „разъяснить содебнымъ мѣстамъ, что духовныхъ и монашествующихъ лицъ не слѣдуетъ вызывать, ни въ качествѣ тяжущихся сторонъ, ни въ качествѣ свидѣтелей, въ тѣ дни и часы, когда ими, по своему званію, исполняется церковное Богослуженіе, а въ первую и послѣднюю недѣлю Великаго поста они вовсе освобождаются отъ призыва въ судъ. Лицамъ этимъ не слѣдуетъ также ставить въ вину неявку въ судъ въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною такой неявки было исполненіе ими, въ назначенное для явки время, обязательныхъ духовныхъ требъ“ (№ 5 Мин. Еп. Вѣд.).

— *Имѣютъ ли право діаконъ, во время болѣзни священника, или за отсутствіемъ его изъ прихода, совершать бдѣніе, часы и обѣдницу, служить молебны, крестить, отпѣвать покойниковъ, совершать крестные ходы, кроплять св. водою и т. п.?*

— Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ слова діаконской ставленной Грамоты: „служеніе же діакона,—священные сосуды къ служенію уготовляти, молитвы о народѣ возносить собственно и народно въ церкви, въ нюже рукоположися и благословися, на амвонѣ чести евангелія и апостольскія посланія: и, не сушу іерею, учити люди отъ Божественныхъ писавій, Божественнымъ заповѣдемъ и жительству христіанскаго закона отъ догматъ и толкованій церковныхъ свѣтилъ, богоносныхъ отецъ. *Въише же сего ничтоже творить дерзати іереемъ подобающихъ, ниже проскомисати, ниже прежде іереевъ причаститися Тѣла и Крови Христовы и иныхъ святыхъ касатися, ниже самому себя самого или иного кого причастити когда ниже присущу іерею учити, ниже іерею предѣдати“.*

— Помимо этихъ общихъ правилъ, съ древнѣйшихъ временъ опредѣлившихся и до нынѣ свято и венарушимо соблюдаемыхъ Пра-

вославною Церковью, предѣлы участія діакона въ совершеніи разныхъ церковныхъ службъ указываются и чиновствомъ и чинопослѣдованіями ихъ. Такъ, при разсмотрѣніи церковныхъ службъ, оказывается, что нѣкоторыя изъ нихъ начинаются замѣчаніемъ такого рода: еще іерей глаголетъ: „Благословенъ Богъ нашъ“, и мы глаголемъ: „Аминь“; аще ли ни, глаголемъ „Молитвами св. отецъ нашихъ, Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ“. Въ началѣ другихъ службъ просто сказано: „благословившу священнику“ начинаемъ.... Первымъ замѣчаніемъ начинаются молитвы и каноны, предназначенныя для чтенія дома каждымъ христіаниномъ отдѣльно; вторымъ—службы, совершаемыя въ храмѣ при обязательномъ участіи священника. Выраженіемъ „благословившу священнику“, или другимъ равносильнымъ ему по содержанію, начинается вечерня, утренья, послѣдованіе часовъ съ изобразительными, или обѣдницей, молебныя пѣнія, чинъ погребенія и послѣдованіе таинства крещенія. Очевидно, что ни одной изъ этихъ службъ безъ священника нельзя отпирать, и діаконъ, дерзающій на совершеніе ихъ, поступаетъ незаконно, такъ какъ не получилъ благословенія священническаго, которое онъ испрашиваетъ много разъ даже въ теченіе одной и той же церковной службы, прося: „Благослови, Владыко, стихарь со ораремъ“... „Благослови, Владыко, кадило“... „Благослови, Владыко, св. входъ“... и которое тѣмъ паче должно быть даво для всей службы.

—Какъ не имѣть діаконъ права совершать церковныя общественныя службы въ храмѣ, такъ и не вправѣ онъ и устроить безъ священника крестныя ходы и окроплять народъ святой водой. Что незаконно совершеніе крестныхъ ходовъ безъ священника, на это указываютъ еще Густинины Законоположенія, въ которыхъ, между прочимъ, сказано: „всѣмъ мірянамъ воспрещаемъ совершать литія безъ епископовъ и подчиненныхъ имъ знатнѣйшихъ клириковъ“. Подъ именемъ „знатнѣйшихъ клириковъ“ въ данномъ случаѣ разумѣются только лица, облеченныя іерейскимъ саномъ, какъ носящія вторую послѣ епископской степень священства, но ни въ коемъ случаѣ не діаконы. А что въ приведенной выдержкѣ подъ литіей разумѣется крестный ходъ, а не литія, совершаемая при нѣкоторыхъ церковныхъ службахъ въ притворѣ храма, это должно заключить изъ слѣдующихъ словъ тѣхъ же Законополо-

женій: „и самые честные кресты, съ которыми исходятъ на литіи, повелѣваемъ полагать не въ иныхъ, а только въ досточтимыхъ мѣстахъ“. Не было бы нужды говорить о досточтимыхъ мѣстахъ для положенія честнаго креста, если-бы рѣчь шла о литіяхъ въ притворахъ храма, ибо весь храмъ—„мѣсто свято“, и изображенія святаго креста помѣщаются даже на наружныхъ стѣнахъ его, да при томъ-же на литіи въ притворѣ храма исходятъ обыкновенно безъ крестовъ, съ преднесеніемъ только свѣтильниковъ.

—Наконецъ, неприсуще діакону окроплять святой водою народъ и жилия помѣщенія. Обрядъ окропленія вѣрующихъ святой водою совершается обыкновенно такъ: послѣ водоосвященія, священникъ, держа въ одной рукѣ крестъ, другой окропляетъ кропиломъ, омоченнымъ въ освященную воду, главу цѣлующаго святой крестъ со словами: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Совершаемое такимъ образомъ окропленіе имѣетъ значеніе священническаго благословенія, а поэтому совершеніе обряда не можетъ быть передано діакону, какъ не можетъ передано ему и право благословлять народъ. Объ окропленіи святой водою въ постановленіяхъ Московскаго собора 1667 года сказано: „священникъ святитъ воду, ему же достоинъ и кропитъ, а не діакону, кромѣ нужды; діаконъ же токмо да держитъ сосудъ съ святой водою, зане слуга есть“. Въ правилѣ этомъ есть оговорка „кромѣ нужды“. Трудно рѣшить, какая „нужда“ разумѣется здѣсь, но, по всей вѣроятности, предполагается случай, когда священникъ не можетъ исполнить обряда по внезапной болѣзни послѣ водоосвященія, или будучи отозванъ для напутствія умирающаго. Не желая оставлять присутствовавшихъ при освященіи воды безъ окропленія, отъ котораго они ожидаютъ большой пользы для себя, соборъ и сдѣлалъ оговорку: „кромѣ нужды“. Нельзя поручать діакону окропленіе жилыхъ мѣстъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые священники, считая для себя затруднительнымъ и неудобнымъ обходить всѣ двory и окроплять дома и постройки. Въ уставѣ на 1 августа сказано, что послѣ освященія, іерей (а не діаконъ) обходить и кропитъ не только келии, но и поварню и даже погребъ.

— Изъ сказаннаго одинъ только выводъ: діаконъ—слуга и по-

мощник священника при совершении церковныхъ службъ, и самъ безъ священника не имѣеть права совершать ни одной службы. Во время болѣзни или отсутствія священника, онъ долженъ только, по завѣту своей Ставленной Грамоты, „учить люди отъ Божественныхъ писаній“.

### Хроника Епархіальной жизни.

6 Сентября, 1898 г. Воскресенье. Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ, Епископъ Екатеринбургскій, изволилъ совершить божественную литургію въ Крестовой церкви при архіерейскомъ домѣ. Передъ Литургіей Его Преосвященствомъ совершено освященіе „антиминсовъ“. Сослужащими были священники: ключарь собора Д. Страховскій, Ант. Буриловъ, Н. Рубанистый и іеромонахъ Пахомій. Во время литургіи рукоположены: во іерея—діаконъ Григорій Раевскій и въ діакона—псаломщикъ Александръ Зайцевъ; оба окончившіе курсъ семинаріи.

8 Сентября, 1898 г. Праздникъ Рождества Пресвят. Богородицы. Его Преосвященство изволилъ совершить божественную литургію, а на канунъ сего дня всенощное бдѣніе, въ Крестовой же церкви. Сослужащими были священники: ключарь собора Д. Страховскій, А. Буриловъ, Н. Рубанистый и іеромонахъ Пахомій. Во время литургіи рукоположены: во іерея—діаконъ Левъ Щураковскій, окончившій курсъ семинаріи, и въ діакона—псаломщикъ—учитель Андрей Шкуринъ.



## О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

## ЦЕРКОВНЫЯ ИКОНЫ

**СВЯТИТЕЛЯ ТЕОДОСІЯ УГЛИЦКАГО**

НОВОПРОСЛАВЛЕННАГО ЧЕРНИГОВСКАГО ЧУДОТВОРЦА

Имѣются для продажи въ г. Черниговѣ, въ ИКОННОМЪ МАГАЗИНѢ

ИЗЪ МОСКВЫ

**М. Н. БОДАЕВА,**

(бывш. Губанова)

ВЛИЗЪ СОВОРА, НА ШОССЕ.

## ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

иконамъ Святителя ТЕОДОСІЯ на кипарисовыхъ доскахъ, съ чеканкой по червонному золоту художественной работы, а также на липовыхъ доскахъ и на полотнѣ, всевозможныхъ размѣровъ,

НА КИПАРИСЪ:			НА ЛИПОВЫХЪ ДОСКАХЪ:		
въ 2 аршин.	. . . . .	125 руб.	БЕЗЪ ЧЕКАНКИ.		
» 1 <sup>3</sup> / <sub>4</sub> »	. . . . .	100 »	въ 2 арш. 10 верш.	. . . . .	100 руб.
» 1 <sup>1</sup> / <sub>2</sub> »	. . . . .	85 »	» 2 » 8 »	. . . . .	90 »
» 1 <sup>1</sup> / <sub>4</sub> »	. . . . .	75 »	» 2 » 4 »	. . . . .	80 »
» 1 »	. . . . .	55 »	» 2 » — »	. . . . .	75 »
» 12 вершк.	. . . . .	30 »	» 1 » 12 »	. . . . .	55 »
» 10 »	. . . . .	25 »	» 1 » 8 »	. . . . .	45 »
» 9 »	. . . . .	20 »	» 1 » 4 »	. . . . .	28 »
» 8 »	. . . . .	17 »	» 1 » — »	. . . . .	20 »
» 7 »	. . . . .	15 »	» — » 12 »	. . . . .	18 »
» 6 »	. . . . .	11 »	» — » 10 »	. . . . .	12 »
» 5 »	. . . . .	8 »	» — » 7 »	. . . . .	8 »
» 4 »	. . . . .	4 »			

На полотнѣ иконы на 10% дешевле, размѣръ въ ширину пропорціонально.

Иконы всегда есть готовая и по первому требованію высылаются во всѣ города и селенія Россійской Имперіи съ наложеннымъ платежѣмъ.

*Требуемая икона предъ упаковкой освящаются въ Кафедральномъ Соборѣ у тронницы Святителя Теодосія и возлагаются на Святыхъ мощи Ею.*

Кромѣ того, магазинъ принимаетъ на себя трудъ освящать, т. е. относить въ Соборъ для освященія, присланныя иконы изъ разныхъ мѣстъ, получая за распаковку и вновь упаковку и отсылку на станцію жел. дор. съ каждой иконы по 4 руб.

**Всѣ требуемая иконы магазинъ можетъ выслать въ разсрочку на три мѣсяца.**

**Примѣчаніе.** Въ случаѣ покупателю не угодно будетъ оставить за собою полученную икону, магазинъ принимаетъ обратно икону, съ тѣмъ лишь, что не принимая на себя никакихъ расходовъ по пересылкѣ.

**Адресъ для писемъ:** Черниговъ. Иконная торговля М. Н. Бодаева (бывш. Губанова).

» » телеграммъ: Черниговъ. Бодаеву.

Выданъ аттес-  
татъ въ званіи  
мастера изъ  
Харьковск. общ.  
ремесл. управы  
1-го Декабря  
1894 года.

РУССКАЯ  
ПЕРЕПЛЕТНАЯ И ФУТЛЯРНАЯ  
МАСТЕРСКАЯ

Принятъ и удо-  
стоенъ въ званіи  
мастера присяж-  
ными эксперт.  
Харьк. общ. рем.  
упр. 1 декабря  
1894 года.

# Г. С. АНФИЛОВА.

Перемѣщена на Екатерининскій просп., д. Соковина, бывший Штейна, рядомъ съ реальнымъ училищемъ.

Пріемъ заказовъ всевозможныхъ переплетныхъ работъ, какъ-то: Свв. Евангелій съ золотымъ обрѣзомъ, въ бархатъ и кожу, по желанію; метрическихъ, бланковыхъ, конторскихъ и всевозможныхъ книгъ для чтенія съ различными украшеніями и золотыми тисненіями на оныхъ.—Принимаются также заказы на разные портфели, папки, багетныя рамы и футлярныя работы; на наклейки картъ и плановъ на холстъ и коленкоръ и т. п.

Работы исполняются прочно, аккуратно и своевременно, подъ личнымъ наблюденіемъ.

## ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Переплетчикъ *Г. Анфиловъ*

Редакторъ, Инспекторъ Семинаріи *Матѣй Монастыревъ*.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 11-го Сентября 1898 года. Цензоръ, преподаватель Семинаріи *Вл. Тацеттовъ*.

При этомъ № прилагается отдѣльный листъ брошюры В. Сахарова: „О запрещеніи браковъ въ родствѣ“.

Содержаніе: I. Руководственныя указанія дѣятелямъ церковно-приходскихъ школъ. II. Памяти Царя-освободителя. III. Извѣстія и замѣтки. IV. Хроника епархіальной жизни. V. Объявленія.

Высочайше утвержденное Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“.